

Взрослый, но не уставший от жизни, сексуальный, но не развратный, умный, но не важничающий, спортивный, но не зацикленный на спорте, и, главное, европеец до мозга костей — таков современный мужчина «comme il faut». Возвращение в моду европейца как идеала мужчины и Европы как модели вселенной приветствует **Анна Наринская**.

Возвращение Европы

мужчина модный образ

Приятно осознавать, что в нынешние нестабильные и предрасполагающие к неопределенности времена существует предмет, который можно описать устойчивым набором определений. Предмет этот — современный мужчина, каким он должен быть. Причем эту четкость очертаний он, в отличие от большинства других предметов, чьи контуры прямо на наших глазах становятся все более и более расплывчатыми, приобрел именно в последние годы. Так вот, теперешний мужчина должен быть — взрослым, но не уставшим от жизни, сексуальным, но не развратным, умным, но не важничающим, спортивным, но не зацикленным на спорте. Все это, а также многое другое, из этого вытекающее и к этому прилегающее, описывается воспетым Пушкиным выражением «comme il faut». Забавно, но нынешнее «comme il faut» если и отличается от пушкинского, то не кардинально. Потому что теперь, как и тогда, для того, чтобы воплощать собою «то, что следует», во-первых и в главных, необходимо обладать одним качеством — европейскостью. То есть нужно быть человеком, не только насквозь пропитанным европейскими ценностями, но и встроеным в европейскую культуру, вернее, в европейскую цивилизацию.

В цивилизацию в том модном смысле слова, которое означает весь рельеф окружающей среды: от автобусного билета до мусорного ящика, спроектированного, скажем, Фрэнком Гери, установленного на площади у готического собора, некогда запечатленного, скажем, Моне. От фильма, к примеру, Годара, который демонстрируют по телевизору, до рекламного ролика автомобиля, снятого, к примеру, Джоном Франкхеймером, заполняющего рекламную паузу. Но при всей своей сегодняшней замусоренности эта цивилизация предлагает довольно четкую систему координат, некий ареал, внутри которого должен существовать европеец.

Так что можно сказать, что в моду вернулся не столько даже сам европеец как личность, а сама Европа — как географически, так и куль-

турно. Европа вновь стала восприниматься как модель вселенной. И при этом лучшей вселенной, вселенной «comme il faut».

Эту вернувшуюся на новом витке моды на Европу со всей яркостью эпохи тотальной цветокоррекции демонстрирует даже такая небыстрая машина по перерабатыванию трендов, как кинематограф. Причем кине-

матограф массовый — потому что не только тонко чувствующий мир Вуди Аллена делает Лондон своим новым Нью-Йорком, но и массовая воля продюсеров «Основного инстинкта-2» заставляет психически неуравновешенную писательницу Кэтрин Трамел заниматься совращением мужчин в столице туманного Альбиона. А апокалиптические зак-

лючительные сцены последнего «Бонда» с уходящим под воду венецианским палаццо не оставляют сомнений: европейская история, безусловно, «наше все», но и ею приходится иногда поступаться, находясь «On Her Majesty's Secret Service» — на секретной службе ее величества королевы главной европейской страны.

То, что Англия безраздельно заняла место «главной европейской страны», точно так же, как Европа вернула себе имя «главного места в мире», не подлежит никакому сомнению. Выдвижение на «Оскар» Хелен Миррен, сыгравшей Елизавету II в фильме Стивена Фрирза «Королева», как будто фиксирует победу настоящих европейских ценностей (и, кстати, самой идеи «comme il faut»), которые представляла королева, над ценностями джет-сетторскими, которые представляла принцесса Диана.

На вопрос, почему Англия так безусловно и бесповоротно in, можно ответить по-разному: в практическом ключе — что так далеко-бойно сработала знаменитая PR-кампания могула брендинга Уолли Олинза «Cool Britannia» или в философском — что, будучи островом, Англия сконцентрировала в себе «европейскость», которая на континенте в большей мере поддается внешним влияниям.

На вопрос, почему jet set с его агрессивной антиевропейскостью так безусловно и бесповоротно out, ответ более очевиден. Потому что расстояния разочаровывают, а экзотика приедается. Потому что стало очевидно: в режиме jet set Нассау не отличается от Бали, а собор Парижской Богоматери, фонтан Треви и Вестминстер сохраняют узнаваемость и уникальность и, несмотря на нападки престарелых модников, ну никак не могут оказаться провинциальными.

И подобно им, несмотря ни на какие нападки, провинциальным не может оказаться европеец. В первую очередь европейский мужчина, потому что современному мужчине с точки зрения «comme il faut» предоставлено куда меньше свободы, чем женщине, а следовательно, он обладает куда большим количеством формальных признаков. Некоторые из них перечислены в начале этого текста. Ну и конечно, не последнюю роль играют покрой его костюма, круг его чтения, его интонации и, главное, его отношение к себе — сдержанное и непреувеличенное. Европейское.

Кино
Сергей Полотовский
о реванше европейского кино

Культура
Григорий Ревзин
об искусстве и авангарде

Мода
Ольга Михайловская
о непобедимости
европейского образа

Костюм
Марина Прохорова
о незаменимости
классического костюма

Выставки
Геннадий Йозефович
о London Cut на Pitti Uomo
Юлия Пешкова о Maison & Objet

В ПОРТУ, ПОРТОФИНО, 8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

ЛЕГКАЯ КУРТКА «COASTER BOW»
(ТЕХНОЛОГИЯ STORM SYSTEM®)

КУРТКА-ВЕТРОВКА
«SUNSET PLAZA»

БУТИК LORO PIANA, БАРВИХА LUXURY VILLAGE, 8-й КМ РУБЛЕВО-УСПЕНСКОГО Ш., Т.ЕЛ. (495) 225 8858
ЦУМ, ПЕТРОВКА, 2, Т.ЕЛ. (495) 933 3399
WWW.LOROPIANA.COM

СТИЛЬ

Матч-реванш

европеец кино

Европейское кино берет реванш. Отбита атака с Востока, и азиатские фильмы больше не конкурируют друг с другом за главные призы на кинофестивалях. Сдается Америка — Вуди Аллен поет Лондон, голливудские продюсеры снимают в Испании и Италии, а во Франции кино местного производства регулярно бьет привозные картины.

Сложно придумать одно исчерпывающее определение того, что такое Европа, европейские ценности и европейское кино, но кино это в любом случае сейчас чувствует себя неплохо.

Припомните, когда в последний раз забуждено азиатский фильм побеждал на фестивале или становился предметом широкого обсуждения? Такси Китано спорит лепит экспортные продукты, «Олдбой» Чоу Юн Пака оперирует ключевыми фобиями и табу фаустовской культуры, Ким Ки Дук, с головой уйдя в узо-

рывать между собой картины из Китая, Гонконга и Тайваня. Ситуация начинала напоминать шахматные чемпионаты от Ботвинника до Фишера, когда формально борьба за мировую корону превращалась во внутренние дела советского спорткомитета. Но выяснилось, что восточные сладости, жестокости и мистицизм хороши как приправа к полнотелым блюдам — хочешь в классицистской традиции, а хочешь — в романтической. Большие надежды не оправдались. Это как увлече-

«Матч-Пойнт», реж. Вуди Аллен

«Сенсация», реж. Вуди Аллен

ристый формализм, выбил себе отдельную арт-нишу, где ему выгодно снимать один и тот же фильм о несчастной, но прекрасной любви. Ориентальные сказки вроде «Кляты», сколь визуальны цветастые, столь же драматически беспомощные, тоже организовали себе уютное гетто и больше не будоражат понапрасну мировую общественность. Об иранской школе еще можно говорить, об афганской — уже смешно. А ведь еще лет 15-20 назад на Берлинском фестивале могли воевать конкури-

ные суши или китайскими ресторанами, свою квоту они уже выбрали с лихвой.

Отбив атаку с востока, Европа успешно перетягивает на себя одеяло и у американцев. Можно как угодно относиться к тиккерскому «Парфюмеру», но очевидно, что понятие «европейский блокбастер» перестало звучать кичливым оксюморном. Пусть ведущие страны Евросоюза не могут договориться об общей армии или внешней политике, но на уровне кинопроизводства пара-тройка крупных

«Мюнхен», реж. Стивен Спилберг

итроков способны совместно потянуть любые проекты. Таланты, естественно, также имеются. Есть несколько европейских киноустоями, есть школы и генетическая память, которым дай только экономическое обоснование, и дело закрутится. Уже закрутилось. Если в Германии фильм на немецком языке в исключительных случаях может соревноваться в прокате с голливудской продукцией, то во Франции кино местного производства регулярно бьет привозные картины.

Маятник качнулся в нашу сторону. Датчанин Ларс фон Триер и испанец Педро Альмодовар в отличной режиссерской форме. Французы, несмотря ни на какие кивки в сторону американского «нуара», никогда не откажутся от решения своих узконациональных задач, которые благодаря именно специфически французской упорности и укорененности в схемах Академии кардинала Ришелье становятся общими для всех. Ну и никто лучше англичан не мастерит романтические комедии, особенно под Рождество.

В том время как собственно европейские фильмы делают и престиж, и кассу, из США потихоньку утекают все основные источники и составляющие. Мэр Нью-Йорка бьет тревогу: киноинвестиции уходят в Старый Свет. Драконовское трудовое законодательство, подкрепленное круговой порукой профсоюзных дельцов, привело к тому, что дешевле и удобнее снимать в Европе. А уж в натуре для съемок недостатка нет. Замки все-таки приятнее любовных пентхаусов. Дворцы и старые европейские города по-прежнему доступнее всего по месту прописки, а небоскребы и прочие атрибуты (пост)индустриального общества в восточном полушарии уже не хуже, чем в западном. Даже идеальный для съемок ровный, почти субтропический климат — важнейший козырь Калифорнии и в какой-то степени Нью-Йорка — легко кроется за ливнями солнцем Испании и Италией. Прага давно уже стала восточноевропейским киноцентром, а добрая половина таких фильмов, как, скажем, «Спасти рядового Райана», родом из Британии, кото-

рая в евро-американских раскладах занимает привилегированную позицию. Две страны, по меткому выражению Д.-Б. Шоу, «разделенные одним языком», долгое время пользовались «особыми отношениями», но энергия Тони Блэра, когда удачно, когда не очень (иракская кампания) балансирующего между двумя центрами силы, и сделала из страны «Cool Britannia» и в большой степени вернула ее в Европу.

Из США в Евросоюз перетекают не только символические ценности и ритуальные выпеллы. Ведущие американские режиссеры делают то, что 30 лет назад был вынужден сделать Роман Поланский, — репатриацию, буквально или фигуральную — к историческим корням. Как европейские титаны экспрессионизма и поэтического реализма в 1930–1940-е, как искали лучшей доли во все времена эмигрировали в Америку, так теперь американцы подыскивают себе домик в Европе. Раньше переезд из Америки в Европу был равносильным ссылке, если не метафоре художественного самоубийства.

«Основной инстинкт-2», реж. Майкл Кейтон-Джонс

«Спасти рядового Райана», реж. Стивен Спилберг

«Черная книга», реж. Пол Верхувен

«Хороший год», реж. Ридли Скотт

Спилберг снял «Мюнхен», а международный отряд профессионалов потрудились над неровным, но чаще всего попадающим в точку удовольствием кинолманах под невыносимо цыганским названием «Париж, я люблю тебя». Распившись в признании того, откуда пошел кинематограф и заодно наша общая с американцами культура.

Европейский сельский и городской ландшафт — это коллекция огромного количества видов, которыми грех не воспользоваться. Когда Том Хэнкс бежит по Лувру в «Код Да Винчи», это еще можно списать на нездоровый успех романа, шарлатанствующего со старыми мифами, но «Хороший год» — откровенная апология французской глубинки, а перенос «Основного инстинкта» из Сан-Франциско в Лондон глубоко симптоматичен: где высится фостеровский «Огурец», там и быть новому моралите на тему секса.

В Европе есть все, что надо для киносчастья, включая собственную, незаемную экзотику: от трейнспоттинговой Шотландии до исполосован-

ной бомбежки Сербии. Действие «Казино „Рояль“», как заведено в бондиане, не может протекать исключительно в лондонских квартирах, поэтому подфильма мы проводим неподалеку от черногорского казино.

Трудноформулируемые европейские темы — что-то вроде интереса к истории, любовных треугольников, взрослых старений и страха инцеста — сейчас в большем фаворе, нежели американское противостояние человека и природы или налогоплательщика и системы.

Еще недавно твердили, что европейское кино в кризисе. Кризис — это нормальное рабочее состояние. Но в геокультурной игре без названия мяч теперь на европейской стороне.

Сергей Полотовский,
редактор GQ

GIORGIO ARMANI

Третьяковский проезд, 2, тел. 495.933.3371
Барвиха Luxury Village, 8-й км Рублево-Успенского ш., тел. 495.225.8852

товар сертифицирован реклама

ETRO

москва
петровка, 10
петровский пассаж

красная площадь, 3
гум

новый арбат, 19
весна

санкт-петербург
невский, 11

новосибирск
вокзальная
магистраль, 19

WWW.ETRO.IT

Продажа осуществляется исключительно в магазинах "Луи Вюиттон".
Москва, Столешников переулок, дом 10/18. Тел. (495) 933 3530.
Москва, Красная площадь, дом 3, ГУМ. Тел. (495) 790 7301 www.louisvuitton.com

LOUIS VUITTON

СТИЛЬ

Нарушители границы

европа искусство

В 20-е годы авангардист Марсель Дюшан объявил произведением искусства писсуар. С тех пор прошло 90 лет, но писсуар остался писсуаром, а нарушение границ — нарушением границ. И никакого нового искусства, кроме традиционного европейского, как не было, так и не возникло. Все остальное — хамские выходки, ценность которых определяется тем, что есть кому хамить, чьи правила приличия нарушать и кого объявлять несущес- твующим, считает **Григорий Ревзин**.

Как-то мой друг попал в Центр Помпиду в момент, когда в Париже случилась забастовка мусорщиков. У центров современного искусства так обычно образуется мусор и неблагополучные личности, а тут совсем завалило. Но он не был шокирован, а, наоборот, рассказывал об этом с паническим почтением. Он не знал, что у мусорщиков забастовка, а выставка, которую он посмотрел в Центре Помпиду, была очень похожа на мусор. Выставка была про современное ощущение дома. Там были картонные ящики с одеждой бомжей, целлофановые одно-разовые палатки, в которых десятилетиями живут кочевые беженцы Ближнего Востока, старые двери, выброшенные на свалку и заботливо найденные художником, вариации на тему загрязненных мест общественного пользования и т. д. Мой друг не понял, что выставка внутри Помпиду и то, что вокруг него, — разные вещи. Он решил, что забастовка мусорщиков — это выставка, продолженная в город (так иногда делают), и поразился финансовым возможностям ее организаторов, позволивших себе художе- ственную инсталляцию такого масштаба.

В некоторых местах, скажем в лесу, у человека возникает естественное чувство опасности, а в Европе оно снижается, и по-этому люди легко попадают в музеи современ-ного искусства, на выставки и просто в экспозицию, и в результате у них может возникнуть ощущение, что Европа закон-чилась, а началось что-то совсем другое. Причем это ощущение может возникнуть не только в музеях, но и в лучших домах. Конечно, покамест украшение дома тем современным искусством, которое показы-вают в музеях, еще не встречается, хотя бы-ло бы простенько и мило, в стиле декора-ций к фильму «Безумный Макс». Но укра-шение дома филиппинским, полинезий-ским, мексиканским и т. п. искусством встречается повсеместно. Формы и герои этих искусств вызывают большое уваже-ние. Скажем, если принца Гамлета изобра-зить в виде пожилой лесбиянки, то это нор-мально, а если символического основателя непальской цивилизации Манджуши — это уже никуда не годится и оскорбляет. Так что тут тоже легко возникает ощущение, что Европа закончилась.

В. Серов. «Похищение Европы»

Борис Гройс в свое время очень про-сто все это объяснил. Искусство должно представлять что-то новое. То есть то, что раньше искусством не было. Значит, нуж-но найти какое-нибудь неискусство, и сам факт находки будет превращением этого в искусство. Например, нашли кар-тонный домик со следами жизнедеятель-ности бомжа, или изображение Манджу-ши, или хотя бы филиппинский плете-ный пуфик, и как нашли, так уж это и ис-кусство. И все равно когда все это тебе объяснят, покажут, опишут, иногда даже вдохновенно воспоют — все равно оста-ется ощущение, что тебя надули. Какую-то дрянь или глупость выдали за цен-ность и мудрость. А сами, между прочим,

прекрасно знают, что это дрянь и глуп-ость, и только делают вид, чтобы тебя обмануть.

Смотрите, что происходит. Значит, взяли, нарушили границу, объявили неискусство искусством, и оно им стало. Пусть так. Тогда, вероятно, следующее произведение должно двигаться дальше и уже объявлять несуществующей какую-то следующую границу. Ну, скажем, если какой-то авангардист-биолог взял, нару-шил границу и объявил рыб зверями, все пооплодородили и приняли это вздорное утверждение за факт, то следующий аван-гардист должен двигаться дальше и объ-являть зверями насекомых. Но так не по-лучается. Даже близко такого нет.

Вот, скажем, в 20-е годы великий аван-гардист Марсель Дюшан объявил произве-дением искусства писсуар. С тех пор прош-ло 90 лет. Логично было бы предположить, что с тех пор писсуары стали уже классиче-скими произведениями, даже рутинны-ми, вроде, ну, не знаю, медальных портре-тов в профиль или сонетов. Так ведь нет этого, писсуары остались писсуарами, и нарушение границы осталось нарушени-ем границы. В сущности, все музеи совре-менного искусства наполнены подобны-ми хамскими выходками, и они именно и сохраняются в своем первоначальном качестве хамской выходки. То есть получа-ется, что сколько раз они границу ни нару-шали, она ни разу не нарушилась.

Я хочу сказать, что каждый хам, кото-рый нарушает границу искусства, оказы-вается, прекрасно знает внутри себя, что он нарушает, то есть обладает ясным пони-манием того, что есть искусство. Вопрос — что? Ответ — то самое традиционное евро-пейское искусство, живопись, архитектура, театр и т. д., которое объявляется умершим и устаревшим. Только оно остается искусст-вом, а все остальное — нарушение границ. Отсюда нет никакого искусства, кроме то-го самого традиционного европейского. Все остальное — хамские выходки, цен-ность которых определяется тем, что есть кому хамить, чьи правила приличия нару-шать, кого объявлять несуществующим.

Именно отсюда и возникает ощущение, что вас разводят и обманывают, когда выдают за искусство авангардные озарения и этнические продукты. Конечно, нехоро-шо они это делают. Но, с другой стороны, их можно понять. В XIX веке каждый вы-пускник Академии художеств мог нарисо-вать картину на уровне массовой продук-ции эпохи барокко, а их выпускали по сто человек в год в одной России. Чтобы этот художник жил, его картины должны были

продаваться по приличным ценам, а их так много. Алексей Саврасов один из ва-риантов своей картины «Грачи прилете-ли» (всего их 17) продал за штоф водки в трактире — понятно, что продешевил, но понятен и уровень цены. Сегодня и не Саврасов вовсе, а какой-то Алексей Харламов продается за \$1 млн 160 тыс.— за эти деньги Саврасов мог бы поселить-ся в трактире, как в египетской пирами-де, на тысячелетия.

Рынок нужно было спасать, и его спасли. Лучшие произведения собрали в музеи и вывели из оборота, остальные подорожали на сумму выведенного. Но этого было мало. Нужно было, чтобы художники разучились рисовать, и именно этого удалось добиться, когда они обратились к современному ис-кусству. Традиционное обратно стало чрез-вычайной редкостью. Больше того, именно эту редкость обнаруживает нарушение гра-ницы искусства. Чем чаще ее нарушают, тем лучше она видна, чем больше авангар-да, тем дороже традиционное искусство.

М. Дюшан. «Писсуар»

Код культуры

европа ценности

В 90-е годы прошлого века нападать на европейские ценности оказалось хорошим тоном. Мода на этнику и стиль городских гетто всерьез конкурирова-ли с Рафаэлем и Шекспиром. И тем не менее европейская манера жизни во-сторжествовала. Почему — объясняет АННА НАРИНСКАЯ.

Фильм Ларса фон Триера называется Егюра, фильм Агнеши Холланд — да-же Егюра Егюра. Оба эти режиссера — европейцы и поэтому вроде бы должны знать, о чем говорят. И в то же время оба они не из настоящей, главной Европы, а с ее периферии, а значит, должны цен-нить. И они оценили. Каждый из них по-своему показал, что Европа (вернее, евро-пейскость, система европейской цен-ностей и взглядов) хоть и пребывает с на-ми чуть ли не вечно, но на самом деле предмет хрупкий, легко поддающийся разрушению и деконструкции. Более то-го, кажущаяся незыблемость этих ценно-стей провоцирует разрушение. Разруши-телями Европы — варварами — и датча-нин, и полка в своих фильмах представ-ляют самих европейцев. Конкретно — и в том и в другом случае фашистов, пе-речеркнувших второй мировой войной течение не только европейской жизни, но и европейской истории.

Не будем скрывать, начать с этих на са-мом деле абсолютно разных фильмов хо-телось отчасти потому, что они так удач-но называются. Но есть здесь и куда бо-лее занимательный момент: оба режис-сера показывают нам «закат Европы», происходящий в результате страшного катаклизма, в результате беспрецедент-но жестокой войны. Но снимали они эти свои фильмы ровно в то время — в нача-ле 1990-х, когда мы Европу, ту самую евро-пейскость мало-помалу теряли. При-чем для того, чтобы запустить этот про-цесс, ни прихода к власти фюрера, ни тем более «окончательного решения» не потребовалось.

У каждого из нас Европа своя. Та, ко-торую мы узнали из книг, из картин, из фильмов, из снов. И какими бы разными

Лени Рифенштал. Фотография из альбома «Нубийцы из племени Кау» и кадр из фильма «Триумф воли»

ни были все эти сложившиеся внутри нас истории, они объединены общим смыслом, тем, что Европа — это самое прекрасное, а главное, самое важное из происходящего на свете. Как раз в начале 1990-х на волне левых настроений, по-следовавшей за синхронно случившейся в Америке и Западной Европе рецессией, интеллектуалы, окопавшиеся в самой Ев-ропе, а также в нижней части Манхэтте-на, бросили свои главные силы на то, чтобы покончить с таким представле-нием о Европе.

Лично для меня это наступление на общеевропейские ценности и, в частно-сти, на «мою Европу» было отмечено ши-карно переизданными фотоальбомами

Лени Рифенштал «Нубийцы из племени Кау» и «Африка исчезающая», внезапно возникшими в начале 1990-х в приемной любого уважающего себя нью-йоркского дантиста и парижского турагента. (Кста-ти, фотографии ненавидимых фюрером негров, сфотографированных его прид-ворной фильмейкершей, заставляют вместе с Ларсом фон Триером и Агнеш-кой Холланд признать, что какая-то глу-бинная связь между попытками «задви-нуть» Европу и фашизмом все-таки су-ществует.)

На этих снимках нубийцы представ-лял этаками Аполлонами Бельведерски-ми, только некрасивыми. То есть «некрасивыми согласно нашим европейским

ущербным представлениям о красоте». Умелая Рифенштал придала блестящим черным телам не только статуарную шпеевских кариатид, но и инакость спилберговских инопланетян. Оказав-шись другими, чем мы, они, согласно но-вым представлениям, оказывались ровно такими, какими нужно. Потому что глав-ный западный тренд 1990-х — мульти-культурность — предполагал, и более то-го, — обизывал считать полинезийский танец если и не выше Рафаэля, то уж во всяком случае равным ему.

Вместе с Рафаэлем в то десятилетие сдал свои позиции и современный евро-пеец. Скорее даже он потерял свои пози-ции вместе с Шекспиром. Именно Шекс-

пир — универсальный мировой гений по версии знаменитого культуролога Гарольда Блума, выступившего в 1994 го-ду основополагающий труд «Западный канон». В этой книге не только предлага-ется список главных европейских авто-ров, но и безапелляционно утверждает-ся, что только эти писатели и считаются. «Канон» вызвал однозначное неприятие в кругах интеллектуалов. Лучшие всего их отношение суммировала фраза «По-чему мы должны читать книги, написан-ные мертвыми белыми европейскими мужчинами», ставшая даже чем-то вро-де лозунга.

Живые белые европейские мужчины в то время тоже оказались не в чести. Их

перестали считать «моделью человека», а их культурные, социальные и прочие привычки — не столько хорошим тоном, сколько просто признаками человеческо-го поведения. Просто признаками чело-века. Потому что код жестов, поступков и привычек европейца совпадает с кодом культуры — во всяком случае, в той ее ча-сти, которую мы не можем отвыкнуть считать культурой.

В 1990-х этот код попытались размы-ть не только по большому — теоретическо-му, но и по малому — практическому — счету. Метод был прост: неевропейские элементы европейской культуры типа моды на этнику в одежде или на музыку из городских гетто предложили считать столь же ценными, как и традиционные европейские ценности. И если до того было очевидно, что Европа настолько сильна, а роль европейца так несомнен-на, что индийский кафтан может только эту роль подчеркнуть (и даже английские и прочие хиппи, несмотря на все стара-ния, так европейцами и оставались), то тут вдруг стало положено считать, что еда на восточный манер или одежда на манер Южного Бронкса может составить европейской привычке жить полноцен-ную конкуренцию.

Для того чтобы осознать, что конкурен-ции нет и быть не может, Западу понадо-бились парочка проигранных «маленьких победоносных войн» и пришествие в поли-тику «новых левых», которых отличить от правых можно только через очень силь-ное увеличительное стекло.

Одетый в аккуратный европейский костюм «новый консерватизм» даже левого толка мультикультурность до-пускает только на уровне «не ходите в этот тайский ресторан, там европеизи-рованная тайская кухня, а ходите в тот, там она подлинная». А на уровне настоя-щей Европы — той, которая внутри нас — все эти «подлинно тайские рестора-ны», как и признание в том, что «на вы-ставке искусства народа кау попадают-ся очень интересные вещи», всего лишь виньетки, только штрихи к образу евро-пейца в Европе. Читай — человека на Земле.

Партия королевы

европа фильм

На венецианской премьере фильма «Королева» публика устроила овацию Хелен Миррен. Хлопали не столько исполнителице главной роли, сколько образу и символу старых ценностей. Биг-мак не отменил обеда с несколькими переменами блюд. Поп-культура не смогла убить классическую музыку. Синтетика не займет положение твида. А английская королева никогда не будет такой как все.

Принцесса Диана разбилась в париж-ском туннеле, породив глумливые анекдоты про последний хитовый альбом Pink Floyd («Стена») и про то, что про-неслось в Дианиной голове перед самой смертью (руль). Но агрессивному боль-шинству было не до шуток. Просвещен-ный мир не то что погрузился, а стреми-тельно ринулся в грандиозный траур. Миллионы принялись соревноваться в громкости плача и фантастичности по-минальных славословий. Совпавшая по

времени смерть матери Терезы тут же отошла на задний план — мир готов был скорбеть только по одной святой. Англи-чане, забыв про свое стереотипическое самообладание, утопили страну в цветах и слезах. И только одна английская семья сочла, что смерть — это частное дело, и не совсем прилично устраивать из похорон «народной принцессы» потребаль-ный карнавал под спешно переписан-ный шлягер Элтона Джона. Это была ко-ролевская семья, отношения с которой у леди Ди в последние годы жизни, мягко говоря, не ладились. Народ не понял та-кой сдержанности, желая, чтобы короле-ва была со своим народом там, где ее на-род, к несчастью, был. Народ хотел вы-палкаться. Между сувереном и ее поддан-ными наметился раскол. От королевы требовали если не покаяния в совершен-ном преступлении, то хотя бы публично-го сочувствия. «А еще я клеймлю позо-

Хелен Миррен в фильме Стивена Фриза «Королева»

ром / Не поведших от горя бровью./ Всю семейку ихних Виндзоров / С коро-левой — бывший свекровью», — писал поэт Всеволод Емелин, иронично выс-вечивая идиотизм ситуации. Англичане согласились бы с такой постановкой во-проса. Назрел конституционный кризис. Премьер Тони Блэр, не так давно заступивший на пост, стремится разрулить ситуацию и убеждает королеву покинуть добровольное заточение в Шотландии, чтобы торжественно обратиться к нации. Елизавета II нехотя соглашается, но ко-гда дело доходит до собственно разгово-ра со скорбящими перед Букингемским дворцом, королева блестяще справляет-ся с задачей. Гипотетический бунт подав-лен несколькими жемтами и улыбками. Монарх показала себя в деле, в главном деле своей жизни — королевском пиаре.

Фильм Стивена Фриза — блестящая комедия положений с фактурно вылеп-ленными героями: от неополиткоррек-тного консорта Филиппа до непотребно энергичной Шери Блэр. Про такое кино

сложно сказать «основано на реальных событиях», потому что доподлинно неиз-вестно, кто что сказал и как на самом де-ле себя повел. Но дух и смысл картины никак не сфальсифицированы. Главный конфликт — между старой, заколоселой якобы Британией и новой, динамично развивающейся либеральной экс-импе-рией. С одной стороны, пьяные лорды и гончие псы, строжайший этикет и джентльменская невозмутимость, с дру-гой — телевизионное общество потребле-ния, крикливый рок-музыки, уличных шествий и страстей напоказ. И нельзя сказать, что ультрасовременные британ-ские ценности так уж симпатичны и по-бедительны. В непрекращающемся со-перничестве старой Европы и глобаль-ной американизации понятно, чей стан возглавляет английская королева. И ко-гда на венецианской премьере публика устроила пятиминутную овацию Хелен Миррен, хлопали не столько прекрасной исполнительнице главной роли, сколько образу и символу старых ценностей, ко-

торые не желают отмирать, а порой и де-монстрируют свою удивительную конку-рентоспособность. Биг-мак на ходу не мо-жет заменить тщательно сервированный обед с несколькими переменами блюд. Поп-культура не смогла убить класси-ческую музыку. Синтетика никогда не зай-мет положение твида.

«Народная принцесса» вела себя не по-королевски, раздавая телеинтервью про семью, из которой уходила, бравируя сво-ими романами, строя из себя обиженную. Скандал, один из фетишей современного медиаобщества, всегда выгоден поп-зве-зде и уже простителен для политика. Мо-наршей особе он не с руки. Вобщее ра-венство — утопия, и королева не может и не должна быть такой как все. Она должна держать марку, стандарт британского ха-рактера. Или еще проще: вести себя как очень хорошо воспитанный человек, ко-торый с тактом выйдет из любой ситу-ации. Прямо как английская королева.

Сергей Полотовский,
редактор GQ

www.yslhomme.com

Olivier Martinez par Sam Taylor-Wood

реклама

Подлежит обязательной сертификации
ПК 05

L'HOMME YVES SAINT LAURENT

ЧУВСТВЕННЫЙ И ГИПНОТИЧЕСКИЙ

москва
бутик moschino
петровка, 10
петровский пассаж

красная площадь, 3
гум

boscofamily
новый арбат, 19
весна

сaint-petersburg
невский, 11

MOSCHINO

www.landrover.ru

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

DISCOVERY 3 ...И целого мира мало

АА Моторс, Москва, 47 км МКАД, тел. (495) 737-89-99, 18 км МКАД, тел. (495) 730-80-05
АА Независимость Премьер Авто, Москва, Ленинградское ш., 71, тел. (495) 795-00-99
Автокавказ-И, Москва, Варшавское ш., 138 А, Каширское ш., 61, тел. (495) 363-97-79
ТК Артекс, Москва, 51 км МКАД, тел. (495) 105-71-05

Musa Motors, Москва, 1-я Магистральная ул., 13, Рублевское ш., 38, тел. (495) 785-11-11
Автобиография, Санкт-Петербург, Пулковское ш., 36, тел. (812) 740-10-00
Авто Прайм, Санкт-Петербург, Полковниковский пр-т, 68А, тел. (812) 334-01-01
Автомоторс, Южное ш., 32, тел. (8422) 75-85-75
Авто Айт, Ставрополь, ул. Бурсыная, 5, тел. (8652) 38-58-08
Автоград плюс, г. Воронеж, Ленинский пр-т, 156, тел. (4732) 24-32-70

Автоград-Премьер, г. Тюмень, ул. Чернышевский Тракт, 2, тел. (3452) 62-26-00
Автоленд, г. Екатеринбург, ул. Блювера, 50, тел. (343) 345-04-45
Автоленд, г. Новосибирск, ул. Б. Хмельницкого, 101, тел. (383) 272-90-00
Дом Моторс, г. Ростов-на-Дону, пр-т Шолохова, 36А, тел. (863) 266-82-22
Дом Моторс, г. Екатеринбург, ул. Невидна Олфидиева, 37А, тел. (343) 373-27-27
ЛРЦ Форвард, г. Красноярск, ул. П. Желаянка, 46Д, тел. (3912) 20-08-40

Нижнегородцев, г. Нижний Новгород, Московское ш., 34, тел. (8312) 75-87-58
Планета Авто, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 137, тел. (351) 726-72-88
Прада, г. Кемерово, пр-т Химиков, 19, тел. (3842) 51-48-88
Техцентр Автомир-Сервис, г. Ульяновск, ул. Урицкого, 100, тел. (8422) 43-94-92
УралАвтоМоторс, г. Пермь, Космонавтов ш., 36А, тел. (342) 210-57-42
УралАвтоМоторс, г. Краснодар, ул. Старокубанская, 143, тел. (861) 234-31-31
Musa Motors, г. Краснодар, ул. Старокубанская, 143, тел. (861) 234-31-31

8-800-200-80-81 – горячая линия Land Rover. Звонок бесплатный.

СТИЛЬ

Противоядие

европеец **мода**

В моде, особенно мужской, наблюдается явное продвижение с Востока на Запад. Мужчинам вернули классические пиджаки и сорочки, все чаще всплывает дендизм и прочие сугубо европейские настроения. Весенне-летняя коллекция Александра Маккуина называется **Harlem**, и это вовсе не то, о чем мы все подумали, предупреждает **Ольга Михайловская**.

Еще каких-то лет десять назад, взяв в руки палочки вместо вилки и ножа, мы ощущали себя отчаянными модниками. Мы ели суши, упиваясь не столько их вкусом, сколько собой и своей причастностью к клану избранных — тех, кто бифитексу с жареной картошкой предпочитает изысканно-рискованную японскую еду. Примерно тогда же, в середине 1990-х, особо модные декораторы стали помещать в центр евроотремонтированных квартир китайскую лаковую мебель и всякий раз гордились своей смелостью в смешении стилей. Экзотические марокканские и индонезийские ноты в интерьерах частных домов и заведений общепита воспринимались как высокохудожественный жест. К концу 1990-х галереи, торгующие экзотическим товаром, процветали, в мировой архитектуре царил японский минимализм, под фитнесом подразумевалась исключительно йога, а в кино убаюкивающие себя интеллекту-

лы смотрели исключительно корейских или иранских режиссеров. Асимметрия и шелка с драконами, японская пасмурная многозначительность, выраженная в рваных подолах и аморфных формах, — в моде явно просматривался культ всего аномально-духовно-восточного. Причем если в женской моде мельтешение всевозможной экзотики выглядело просто очередным трендом, то в мужской оно претендовало на серьезное духовное обобщение. Но вдруг, как это обычно бывает, Восток стал товаром массового потребления. Суши заказывают на ланч менеджеры среднего звена, японский минимализм стал любимым стилем спа-салонов, искусствоведы ввели в обиход нелестный термин «этноклише», самыми модными архитекторами стали голландцы, швейцарцы, французы — в общем, не японцы. Фитнес-клубы пустились вовсю пропагандировать латинские танцы, один за другим стали

«Смерть в Венеции», режиссер Лукино Висконти ФОТО AFP

открываться рестораны с простой и понятной кухней, и кулинарные критики ввели в обиход понятие comfort food, под которым подразумевается еда, привычная с детства. А слово **Harlem** в коллекции Александра Маккуина значит совсем не Гарлем, а является анаграммой фамилии Малер. Композитор Густав Малер стал прообразом героя новеллы Томаса Манна «Смерть в Венеции», его музыка сопровождает действие фильма — фильма, без которого немислима вся fashion-эстетика последних десятилетий.

В коллекции он сочетает изысканность рубежа веков с элементами гарлемского дендизма. Он использует английскую вышивку (broderie anglaise), британскую клетку, расширяет кардиганы цветами, а свои совершенные с портновской точки зрения классического кроя костюмы предлагает в нежной розово-голубой гамме. Томас Майер в коллекции для Bottega Veneta в очередной раз воспекает сафари и милитари, создает некий гибрид сорочки с пиджаком, который можно запросто надевать на голое тело,

и все это шьет из тканей, словно изрядно поношенных и выгоревших на солнце. У Кристофера Бейли для Burberry царят 1980-е. Широкие плечи, двубортные застежки, широкие брюки с глубокими складками, даже закатанные рукава плащей и пиджаков, если кто помнит подобную примету тех славных, лишенных рефлексий лет. Все из 1980-х, за исключением общей расслабленности и непринужденности повадки. У близняшек Дина и Дэна в Dsquared процитированы все возможные виды спорта —

футбол, яхтинг, плавание и бокс. Все это замешано с одеждой обитателей Wall Street (например, пиджаками в клетку «принц Уэльский»). Получается вполне шизофренический, но оттого не менее европейский, по сути, замес. Что уж говорить о самих японцах. Они, похоже, и вовсе решили порвать со своими корнями. У Comme Des Garçons новая версия тедди-бой в золотых, бронзовых, серебряных костюмах. Опять широченные брюки и длинные пиджаки. Золотые твиды и фланели, аппликации из пальм и золотые лепестки-принты из скраббла. У Наоки Такидавы для Miyake вместо привычного глубокомысленного деконструктивизма жизнеутверждающие мотивы, вдохновленные чемпионатом мира по футболу. Вместо загадочного сложения парни в толстовках и штанах-карго. У другого японца, Джуниа Ватанабе, тоже все спортивное — и ни в коем случае ничего японского. Жан-Поль Готье показывал свою весенне-летнюю коллекцию аккуратно в день матча Франция—Бразилия и, разумеется, не смог обойтись без своих французских интриг. Его французскую одежду демонстрировали бразильские юношеские модели, а в одежде спорт был замешан с настоящей европейской классикой — костюмными жилетами, джинсами — и прозрачными тканями в духе лэм-рока. Подобную одежду мог бы носить Дэвид Боуи, и критики немедленно прозвали ее рок-н-роково.

У Джона Гальяно в индустриальных металлических декорациях бродили юноши в некоем подобии рабочей одежды, только сшитой из глянцевых тканей. В гриме просматривался намек на обитателей вампирской Трансильвании, а в пресс-релизе значились ссылки на Франкенштейна. У Дриса ван Нотена, дизайнера, который, кажется, в принципе с трудом обходится без ссылок на прятный Восток или Индию, на сей раз никакого намека на этнику. Все серо-белое, костюмы надеты поверх футболок, на ногах шлепанцы-вьетнамки. У Gucci обошлось без привычных для этой марки намеков на 1970-е — видно, в них не уйти от отсылок к хиппи, а хиппи, как известно, немислимы без этнических влияний. В этом сезоне — приталенные пиджаки из ткани с галстучным орнаментом, замшевые и кожаные пиджаки с заклепками. Этские плейбои, отдыхающие на Капри в 1960-е. У Марка Джейкобса в коллекции Macs намеки на 1940-е годы. Армейские сорочки в сочетании с майками в цветочек. Черные смокинги в сочетании с мешковатыми брюками из нарочито поношенной, словно прошедшей огонь и воду ткани. Этские борцы за мир, отвоёвывавшие свое. У Мичучи Прадды, которая теперь отрицает ностальгию, все более футуристично. Она сочетает формальную одежду с шерстяными носками и сандалиями, противопоставляет фетр и техноткани, надела

длинные пальто поверх шорт. Многие вещи выглядели как костюмы к научно-фантастическому кино, а утопические картины проецировались на стены — оформление, как и обычно, создано в студии голландского архитектора Рема Кулхаса. У Рафа Симонса — белые водолазки или сорочки с черными шортами-трусами. Юноши напоминают оглауренных советских физкультурников. А в коллекции для Jil Sander узкие стройные черные костюмы и трапецевидные плащи — одежда французских интеллигентов 1960-х годов. Голландский дуэт Viktor & Rolf показал коллекцию под названием «Антидот». Именно так будет называться их новый мужской аромат. В коллекции — сплошь серо-белочерной — костюмы с широкими контрастными кантами в сочетании с котелками и бабочками напоминали одежду цирковых иллюзионистов. В своей строгой, почти театральной классичности она демонстрировала высочайший класс европейского мастерства, который всегда был и, похоже, навсегда останется отличным антидотом против всех сиоиминутных этнических слабостей усталой и пресыщенной Европы. Так что можно снова смотреть чернобелые фильмы с Жаном Габеном и анилиново-цветные комедии с Луи де Фюнесом, сопереживать драматизму Висконти и любоваться его героями, есть бифитекс с кровью и швейцарский шоколад. Они снова в моде.

Правила игры

европеец **мужской костюм**

Для классического европейского стиля мужской костюм не только формальная одежда. Костюм олицетворяет собой определенный образ жизни — цивилизованной, подтянутой и структурированной. Чем жестче правила игры, тем интереснее и виртуознее настоящие игроки. Недаром новые костюмы, напоминает **МАРИНА ПРОХОРОВА**, появляются в коллекциях fashion-дизайнеров каждый сезон.

В регламентации «пиджак-брюки-рубашка-галстук» нет абсолюто никакой скуки. Секрет долголетия костюма кроется именно в том, что он не затмевает индивидуальность, а подчеркивает ее.

Диктата в этом сезоне нет, так что можно выбрать свою версию. Тем не менее есть ка-

кие-то общие правила. Самый главный цвет — серый, причем очень теплые и светлые оттенки более актуальны. Чуть менее важны всевозможные оттенки белого и бежевого. Если меловая полоска, то довольно яркая и частая, если клетка, то английский гленчек. У большинства рубашек маленькие воротнички, а самые модные галстуки этого сезона узкие. Чем уже, тем моднее.

То есть по этим галстукам-селедкам уже понятно, какая эпоха вдохновила большинство fashion-дизайнеров. Конец 50-х — начало 60-х. Беби-бум, окончательное преодоление послевоенной депрессии, время радостных ожиданий. Все очень позитивное, без намека на разгильдяйство. Это самый перспективный стиль

нового сезона. В осенне-зимних коллекциях такой силуэт окажется преобладающим. Тут очень кстати оказался традиционный экстремально узкий крой костюмов Эдди Слимана для Dior Homme. Серые и черные костюмы с белыми рубашками, черные галстуки больше похожи на узкую длинную ленту. Узкие костюмы с узкими галстуками и в коллекции Givenchy. Главные цвета — темно-красный и очень теплые оттенки серого и бежевого. У маленьких пиджаков очень высокие и короткие лацканы. Очень светлые и очень узкие серые костюмы у Рафа Симонса для Jil Sander, Calvin Klein и Fendi Uomo.

Костюмы Dolce & Gabbana из серой лощеной ткани требуют к себе в комплект серых рубашек

с белыми воротничками и серых галстуков. Вообще внутри этого стиля модного мужского костюма очень популярны цветные рубашки с маленькими белыми воротничками. Костюмы Gucci — полосатые или из двухцветного жаккарда с мелким «галстучным» рисунком. А рубашки для них полосатые с белыми воротничками.

Главные костюмы Томаса Майера для Bottega Veneta в этом сезоне белые. У пиджаков завышенная талия и чрезвычайно узкие лацканы. Брюки не слишком узкие, но очень прямые. Однобортные костюмы из очень разнообразной мужской коллекции Gianfranco Fette тоже узкие, с закругленными полами пиджаков, маленькими воротничками рубашек и узкими галстуками.

Узкие, сухого силуэта костюмы Moschino Uomo предложено носить с рубашками, на полочках которых небрежно нарисован галстук. Чрезвычайно щегольски выглядят серые костюмы с черными и белыми кантами Viktor & Rolf — короткие пиджаки с очень узкими галстуками, сужающиеся книзу брюки. А в мужской коллекции Lanvin главным оказывается подчеркнуто, постаромодному мягкий силуэт. Очень мягкие короткие пиджаки с высокими то ли лацканами, то ли отвернутыми полочками, широкие сверху и сильно обуженные снизу коротковатые брюки.

Так что вальяжный стиль довоенной Европы тоже актуален. В коллекции Burberry Prorsum есть и узкие серые костюмы. Но особенно хороши

костюмы с очень широкими брюками с мягкими складками у пояса, широкими лацканами приталенных довольно длинных пиджаков и широчайшими мягкими галстуками. Двубортные просторные костюмы в довоенном стиле есть и в коллекции Gianfranco Fette. И, разумеется, вариации мужского костюма именно этого стиля нынешним летом следует искать в коллекциях Yohji Yamamoto и Giorgio Armani.

Наиболее остромодные костюмы этого сезона напоминают костюмы рубежа 70–80-х. У них промежуточный силуэт, от которого мы успели отвыкнуть. Брюки средней ширины, иногда заметно сужающиеся книзу. Пиджак непривычно длинный, как будто не по росту, да и нижняя застежка

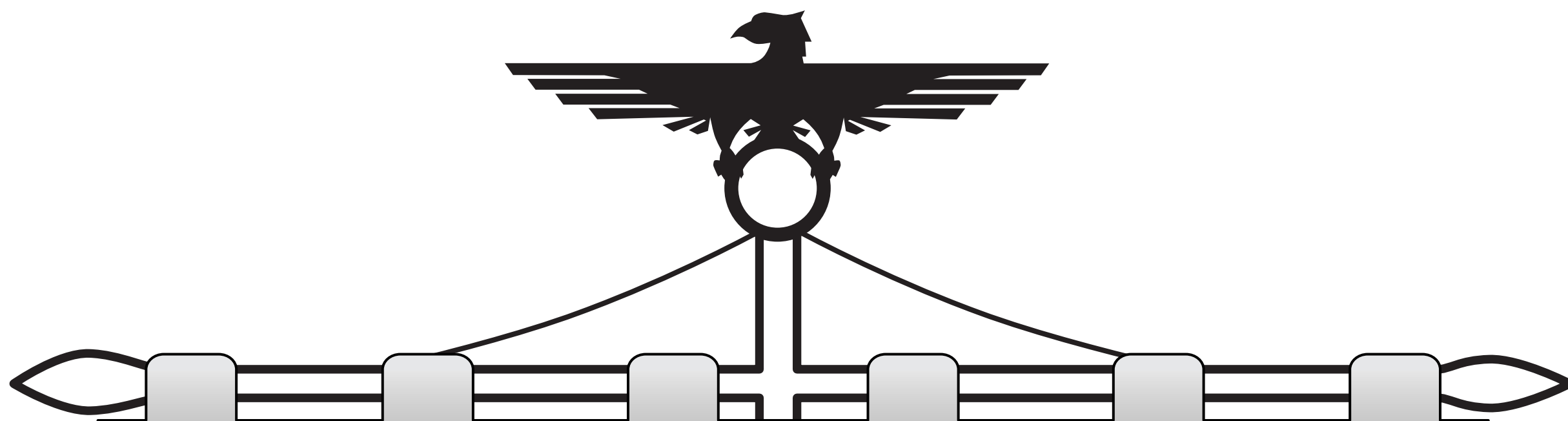
пуговича оказывается строго на линии талии, то есть ниже обычного.

Серые костюмы Prada именно такие. Пиджаки однобортные, узкие, но при этом длинные. Коротковатые брюки «морковкой». Костюмы этого сезона из коллекции Стефано Пилати для Yves Saint Laurent имеют тот же непривычный силуэт: брюки сужены снизу, длинный пиджак с низкой застежкой. Как обычно, носить костюмы этой марки лучше с шейными платками, чем с галстуками.

Костюмы Louis Vuitton носить предлагают не с шейным платком, а с очень узким шарфом. Силуэт тот же: двубортный длинноватый пиджак, прямые брюки. В коллекции марки очень много костюмов-троек.

В коллекции Alexander McQueen подобный силуэт выражен очень умеренно. Зато в ней очень много цвета, как в эпоху начала диско. Наряду с серыми костюмами в коллекции использованы ткани в клетку и полоску и очень яркая жаккардовая ткань с галстучным рисунком. Яркий бордовый цвет наряду с серым — у Roberto Cavalli. В коллекции Hermes много серого, песочного и белого. А также теплое розовое и салатного цвета. Яркие клетчатые ткани и фланель розового и лавандового цвета использованы для костюмов Paul Smith. И, разумеется, много костюмов открытых ярких цветов — салатного, апельсинового, желтого — в коллекции почти классической британской марки Osvald Boateng.

VI•ЛЕГИОН

магазин мужского белья и домашней одежды

Dolce&Gabbana

D&G

Emporio Armani

Just Cavalli

Moschino

Roberto Cavalli

Versace

Москва: ТЦ «Западный», 2 этаж, Рублевское шоссе, 52а, тел.: (495) 721-37-57

ТЦ «Крокус Сити Молл», 1 этаж, 66 км МКАД, тел.: (495) 727-22-15

ТРЦ «Европейский», 3 этаж, пл. Киевского вокзала, 1, тел.: (495) 229-19-14

Санкт-Петербург: «Галерея Apriori», 2 этаж, Большой пр. П.С., 58, тел.: (812) 380-8217

СТИЛЬ

Классика непринужденности

европеец повседневная одежда

Конечно, в свободное время надо выбирать самый приятный и удобный стиль одежды. Джинсы и футболки никто не отменял. Даже спортивные костюмы имеют своих преданных поклонников. Но все же в этом сезоне самым актуальным стилем casual стала старая европейская классика этого жанра, убеждена **Марина Прохорова**.

Европейский стиль одежды для свободного времени может быть демократичным и свободным, но он всегда довольно сдержан. Как-то очень неформальный и романтичный по своей стилистике итальянский дизайнер Антонио Маррас в своем интервью „Б“ сказал о нормальной мужской

одежде следующее: «Брюки какие-нибудь, обувь хорошая, свитер и пиджак. Пиджак структурирует мужской образ». Эта мысль о правильном структурировании собственного образа очень важна для европейца. Так возвращение моды на европейский стиль одежды привело к тому, что не-

формальные легкие пиджаки вновь стали очень актуальны.

Бессмысленно перечислять тех fashion-дизайнеров, кто в этом сезоне придерживается подобной точки зрения и предлагает надевать пиджак с легким трикотажем и брюками либо удлиненными шортами-бермудами, сшитыми из другой ткани и другого, чем пиджак, цвета. Вариации этого самого традиционного вида casual есть практически во всех мужских коллекциях. Но даже без пиджака неформальный костюм этого сезона выглядит очень элегантно.

Один из самых классических вариантов облегченного casual — колониальный стиль. Для этого стиля самое главное — легкий френч с погонями и накладными карманами. Yves Saint Laurent брюки или шорты сочетает с классическим френчем или хотя бы с полувольной рубашкой. Шейный пла-

ток обязателен. В коллекции Louis Vuitton с пиджаками в колониальном стиле одинаково успешно сочетаются и обычные легкие брюки, и бермуды.

Френчи в коллекции Miu Miu сочетаются с небрежно засученными бермудами в мадрасскую клетку. Это практически пляжный вариант колониального костюма. В коллекции Gucci яркие узкие штаны носят с пиджаком в стиле сафари и джентльменской пестрой жилеткой. Причем сорочка необязательна.

У Paul Smith куртка-сафари выступает в комплекте с бермудами, рубашкой и галстуком. Это тоже очень по-европейски — носить галстук всегда. У Dries Van Noten широкие белые брюки с защипами у пояса носят с «форменной» серой рубашкой, с погонями и накладными карманами, и галстуком, что довольно необычно для этого дизайнера.

Колониальный стиль в этом сезоне не требует использовать исключительно немаркие оттенки хаки, песка и камня. У Hermes яркие легкие брюки прекрасно выглядят в комплекте с рубашкой-апах и френчем, подпоясанным кожаным ремнем. А у Louis Vuitton колониальный стиль допускает брюки с цветным принтом.

Мирный вариант летнего неформального жакета можно найти в коллекции Lanvin. Французская мягкая тужурка с прорезными карманами и отложным воротником носится с расстегнутой верхней пуговицей и отогнутыми, как лацканы, полочками. Образ парижского профессора на канюлах дополняется чуть мешковатыми штанами и белой рубашкой с узким галстуком.

Для Giorgio Armani этот неформальный стиль стал узнаваемой личной классикой.

Только у этой марки тужурки выполнены из плотного, мало тянущегося трикотажа. К таким жакетам положены джемпер-тельняшка или шелковая сорочка в защитках и широкие брюки.

Трикотажные кардиганы тоже являются классикой европейского casual. В коллекции Bottega Veneta узкие брюки и рубашка с галстуком сочетаются с тонким и маленьким кардиганом. В исполнении Кристофера Бейли для Burberry Prorsum костюм для свободного времени выглядит так: очень широкие брюки, узкий джемпер и подпоясанный тонким кожаным ремнем легкий трикотажный кардиган.

У Gianfranco Ferré — двубортные трикотажные кардиганы, белые сорочки с имитирующими подтяжки полосами и серые или салатные свободные брюки. В коллекции Moschino Uomo белые бермуды на-

деваются вместе с сорочкой, галстуком-бабочкой из ткани сорочки и кардиганом рельефной вязки.

Очень по-французски выглядит идея Louis Vuitton надеть вместо пиджака трикотажную сорочку поверх обычной поплиновой. А у Yohji Yamamoto белые рубашки и широкие брюки на подтяжках носят вместе с кофтами рыхлой вязки или с очень открытыми, напоминающими фартики жилетами.

Очень актуальный в мужской моде стиль рубежа 50–60-х не предусматривает ни трикотажных кардиганов, ни колониальных френчей. Но не отрицает галстуков. В коллекциях Dolce & Gabbana и Ermengildo Zegna актуальные шоферские куртки на молнии, из дорогой кожи или замши, прекрасно уживаются с сорочками, галстуками и шортами-бермудами. У Alexander McQui-

еep очень широкие брюки носятся с простым полосатым бомбером, собранным на талии на резинку. Или более романтично — с заменяющим жакет недлинным плащом-пыльником.

Свободные и короткие непромокаемые плащи у Prada и у Jil Sander одинаково непринужденно сочетаются и с узкими брюками, и с шортами. А у Jean Paul Gaultier своя вариация европейского casual — трикотажная рубашка с воротником-апах, свободные подворотные брюки и полупрозрачный легкий тренч.

Ну и последнее. Легкие открытые сандалии настолько удобны, что не выходят из мужской моды уже несколько лет. Ни пиджак, ни сорочка с галстуком стилистически им больше не противостоят. Разумеется, не менее допустимы и классические легкие туфли — но только на босу ногу.

Перемещенные ценности

европа дом

Мода на Европу сильно сказалась на американских знаменитостях. Теперь без недвижимости в Британии, в крайнем случае — в Шотландии их и знаменитостями-то с чистой совестью не назовешь. Том Круз, Роберт Де Ниро, Эшли Джадд, Кевин Спейси утвердили Британию как часть звездного статуса и образ жизни, считает НИКОЛАЙ ЗУБОВ.

В фильме «Ноттинг-Хилл» скромный владелец книжного магазина (Хью Грант) объяснял голливудской звезде (Джулиет Робертс), какая пропасть лежит между ними: «Ты живешь в Беверли-Хиллз, мой дом — Ноттинг-Хилл». Тогда Джулиет Робертс поняла. Сейчас же метафора, скорее всего, была бы воспринята совершенно иначе. Американская знаменитость, не имеющая хотя бы одной квартиры в Лондоне или какой иной недвижимости в Британии, выглядит так же странно, как, скажем, в начале XX века выглядел бы британский аристократ без виллы на Лазурном берегу.

«Во Францию вы едете за устрицами, в Италию — за модной одеждой, в Британию — за домом», — объясняет Тревор Абрахамсон. Он знает, о чем говорит. Ведь именно его компания Glentree Estates долгое время работала с Томом Крузом — человеком, который во многом придумал моду на Британию.

Модными для американцев Европа вообще и Британия в частности были всегда. Интерес этот отмечал еще Оскар Уайльд в своем «Кентервильском привидении». Однако модным местом для постоянного (насколько это вообще возможно для знаменитости) проживания Британия и Лондон стали в 1999 году, когда в районе Далидж-Виллидж к югу от Темзы купили свой первый дом Том Круз и Николь Кидман. За пятиэтажный особняк с девятью спальнями они заплатили тогда всего £2 млн.

С тех пор американские звезды, неизменно скупают на за-

облачные цены на недвижимость в Британии, тем не менее, переезжают сюда. Кевин Спейси, Маколей Калкин и Кэтрин Тернер сделали Британию если не основным, то по крайней мере вторым своим домом. Если в чем американцы, переезжающие в Британию, и различаются, то только в выборе непосредственного места жительства.

Роберт Де Ниро выбрал себе двухэтажный пентхаус в Докленде, некогда самой жуткой части Лондона, превращенной в район дорогих небоскребов. Его квартира, приобретенная в 2000 году,

стоила ему, по сведениям британских газет, £3,5 млн.

Знаменитый американский гонщик Дарио Франкетти и его жена — звезда Голливуда Эшли Джадд — предпочли тихое (и не такое дорогое) местечко в Шотландии. Особняк с великолепным видом на Единбургский замок и знаменитую шотландскую достопримечательность — холм «трон короля Артура» обошелся им всего в £650 тыс.

Вскоре после этого Дарио и Эшли купили еще один особняк в Шотландии — уже за £1,2 млн, несмотря на протекающую крышу и осыпавши-

еся стены. Как сообщали газеты Шотландии, за дом в городке Порт-оф-Ментейт, графство Стирлингшир, с Дарио и Эшли вели борьбу Мадонна и солист группы «Оазис» Лайам Галлахер. Любовь Дарио к Шотландии, впрочем, объясняется очень просто: его отец происходит из смешанной итало-шотландской семьи.

Что же до Мадонны, то ведущие английские риэлтеры называют ее одним из самых активных инвесторов в британскую недвижимость. «Она покупает дома, но не ради прибыли. Просто, похоже, она привыкла жить макси-

мально комфортно», — говорит один из лондонских риэлтеров. В 2000 году, за несколько месяцев до своей свадьбы с Гаєм Ричи, Мадонна приобрела дом в Лондоне, а затем принялась скупать окрестные дома для того, чтобы было где разместить прислугу. Наконец, она приобрела грандиозное поместье в Уилтшире, подтвердив тем самым еще одну тенденцию: обычно американским звездам мало квартир или дома в Лондоне, им нравится чувствовать себя помещиками. А для этого просто необходимо поместье.

Что же до законодателя моды Тома Круза, то он почти такой

же активный покупатель, как и Мадонна. Может быть, правда, не такой уж удачливый. Вскоре после женитьбы на Кэти Холмс Круз заплатил почти \$5 млн за особняк с шестью спальнями в весьма престижной (когда-то) общине Дорманс-парк в Сассексе. В доме было все необходимое для любой уважающей себя американской знаменитости: бассейн (крытый — все-таки не Беверли-Хиллз), подземный гараж, охотничья комната, спортивный павильон, парник. На территории усадьбы есть и дом для прислуги. Когда новость о покупке распространилась, многие полагали, что вы-

бор места как-то связан с тем, что буквально через дорогу от Дорманс-парка располагалась новая штаб-квартира британских сайентологов.

Однако уже очень скоро покупка стала предметом насмешек. Как выяснилось, жить в доме, как и в окружавших его домах, было просто невозможно от жуткого запаха: в районе начались работы по реконструкции канализации. «Запах просто отвратительный», — цитировала одна из газет соседу Тома Круза. — Сомневаюся, что они лично приезжали смотреть на дом. Здесь люди с открытым носом не ходят».

Если Британия привлекает американских звезд, то другие европейские страны, в первую очередь Франция, стали необычайно модными среди менее знаменитых американцев. Причина проста: ни в одной другой стране мира, кроме Франции, нельзя купить «замок с историей» за очень небольшие деньги.

Типичный пример — история нью-йоркского бизнесмена Дональда Бошнера, который, путешествуя по Провансу, буквально наткнулся на шато XVIII века: «Я просто хотел посмотреть, а меня приняли за потенциального покупателя». Замок и 22 акра леса вокруг него продавались за \$570 тыс. А не слишком высокооплачиваемый менеджер из Сан-Франциско Лесли Кричлау сумела купить шато в Бретани с 14 спальнями и 20-акровым лесом всего за \$285 тыс.

Усадьба Мадонны в Уилтшире и лондонский дом Мадонны в Марбл Арч

Дорога видела многих.
Равных ему – никогда.

РЕКЛАМА

Audi S8.

Он из породы одиночек: ведь на вершине нет места для многих.
Он представитель могущественного клана.
Клана героев, меняющих представления о возможном.
Audi S8. Внешность аристократа, характер первооткрывателя и сила воина.
Двигатель V10 FSI* мощностью 450 л.с., разгон до 100 км/ч за 5,1 секунды.
Он выбирает свой путь, пройти который под силу лишь подобным.

Официальные дилеры Audi в России: Москва: Audi Центр Север (495) 785 2727; АвтоСпецЦентр на Варшавке (495) 755 8811; АвтоСпецЦентр на Таганке (495) 755 8181; Audi Центр Запад (495) 775 7772; Audi Центр Москва (495) 797 9090; Audi Центр Сити (495) 730 9888; Audi Центр Юг (495) 730 6777; VIP Центр на Садовом (495) 730 3434; Санкт-Петербург: Audi Центр Петербург (812) 600 0106; Русь-Авто (812) 326 0808; Волгоград: Audi Центр Волгоград (8442) 49 1111; Воронеж: Audi Сервис Воронеж (4732) 21 7777; Екатеринбург: Audi Центр Екатеринбург (343) 214 8080; Ижевск: Audi Сервис Ижевск (3412) 91 2812; Иркутск: Байкал Моторс (3952) 266 397; Казань: АЦ Казань (843) 519 4884; Краснодар: Audi Центр Краснодар (861) 999 0000; Красноярск: Audi Центр Красноярск (3912) 67 4505; Магнитогорск: Автоперсональ (3519) 23 2616; Набережные Челны: Audi Сервис Набережные Челны (8552) 39 1818; Нижний Новгород: Audi Центр Нижний Новгород (8312) 78 2178; Новосибирск: Престиж-Авто (383) 227 7000; Пермь: Премьер (342) 213 9969; Ростов-на-Дону: Audi Центр Ростов (863) 299 0000; Самара: Audi Центр Самара (846) 372 0000; Сургут: Автоуниверсал (3462) 77 4444; Тольятти: Audi Центр Тольятти (8482) 73 4400; Тюмень: Audi Центр Тюмень (3452) 42 9677; Уфа: АвтоПремьер (347) 292 5915; Челябинск: ТТМ (351) 269 6350

ШКОЛА ВОДИТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА QUATTRO: (495) 933 3633

ВСЕ НОВОСТИ — В ЖУРНАЛЕ **Audi** MAGAZIN

СТИЛЬ

Лондонский крой

европа выставка

Выставка Pitti этого года прошла под знаком английского стиля. Итальянцы раз-вернулись в сторону Лондона, и даже веч-но экспериментирующие японцы отпра-вились в Европу. Куда-то испарились все упоминания об этническом стиле, мень-ше стало рваного и нечистого. Из нарцис-са, из беспечного плейбоя, из жертвы мо-ды мужчина превратился в джентльмена. Своими впечатлениями от выставки делится Геннадий Йозефавичус.

Костюм Мадонны фото REUTERS

Представьте себе огромный универсальный магазин, в котором ничего не продают. Рядами висят костюмы, шта-белями разложены рубашки, шпалерами развешаны брюки; галстуки, словно связки хвороста, сушатся под лампами. Напоказ выставлены обувь и ремни. Продавцы суетятся, об-хаживают клиентов, расхва-ливают товар, но... ничего не продают. Вернее, продают, но не то, что развешано, раз-ложено, расставлено, а ровно такое же, только других раз-меров и цветов, и на следую-щий сезон. В этом универсаль-ном магазине только показы-вают — показывают то, что бу-дут носить джентльмены в бу-дущем году.

Это Pitti, главная выставка мужской одежды, единствен-ное место на свете, где мужчи-ны осматривают друг друга с ног до головы безо всякой гру-бой сексуальной цели. Чувст-ва, которые управляют хорошо одетыми господами (и в мень-шей степени дамами), — это чувства (вполне эротического характера, впрочем) к кройке и шитью, к коже и кашемиру, льну и хлопку.

На флорентийской ВДНХ в комплексе Fortezza (в кре-пости то есть) сотни и тысячи компаний выставляют что-то такое, что должно удивить за-купщиков, привлечь журнали-стов, заставить говорить, если не покупать. Итальянцы, ан-гличане, французы, японцы — все те, кто делает мужскую моду, — все они тут. Ну, может быть, кроме Dolce & Gabbana, Armani и еще немногих, кто выставке во Флоренции пред-почитает показы в Милане и Париже. Но показы — это шоу, кинофестиваль; выставка — работа. Именно на выставке можно проследить тенден-цию, ведь здесь не надо бо-роться за место в первом ря-ду, здесь можно трогать, шу-пать и разговаривать.

Впрочем, и при отсутст-вии дорогих шоу Pitti в выс-шей степени светское собы-тие. Вот, к примеру, ужин по случаю открытия выставки прошел в палатце Корсини прямо на берегу реки Арно. Был этот ужин посвящен ис-кусству (именно!) британско-го шитья, магии английского костюма. Джентльменов по-просили явиться в смокингах, дам — в чем-нибудь напоми-нающем мужской вечерний костюм. Его королевское вы-сочество принц Майкл при-шел в бархатной куртке с га-лунами (такую же выставили в разделе «костюмы Винзоров» на открывшейся параллель-но в палатце Питти выставке The London Cut. Savile Row),

Освальд Боатенг — в чем-то фиолетовом, некоторые мест-ные из аристократии — во фра-ках и с орхидеями в петлицах; дамы — в мужниных смокин-гах, в винтажных сен-лоранов-ских костюмах, в антиквариа-те или даже в пошитых по слу-чаю платьях-фраках.

Вообще-то говоря, вся вы-ставка Pitti этого года прошла под знаком английского сти-ля. Через дорогу от крепости, в палатце Витторно, девять портных с лондонской Севил-

Костюм Фреда Астера и выкройки костюмов Лоуренса Оливье фото REUTERS

Роу демонстрировали желаю-щим свои навыки в связях с общественностью; в палатце Питти в квартире герцогини Аоста открылась уже упомя-нутая выставка The London Cut; большинство типичных итальянцев (последователей неаполитанского, миланско-го, флорентийского стилей в строительстве мужского ко-стюма) развернулись в сторо-ну Лондона, и даже вечно экс-периментирующие японцы отправились в Европу. Куда-то испарились даже упоминания об этническом стиле, меньше стало рваного и нечистого, мужчина, кажется, перестал красоваться, словно какой-нибудь неаполитанец. Муж-чина из нарцисса, из беспеч-ного плейбоя, из жертвы моды (равно как и из клошара) прев-ратился в джентльмена.

Джентльменский набор Впрочем, джентльмен по вер-сии Pitti этого года — не зако-ванный, словно в рыцарские ла-ты, англичанин в охотничь-ем, стоящем колом твидов-ым костюме. Современный джентльмен — он слегка дру-гой, совсем не сельской по-

роды. Во всяком случае, да-же на охоте он не стреляет. Джентльменский набор се-зона — мягкий, почти невесо-мый кашемировый пиджак без подкладки; довольно уз-кие, чуть укороченные фла-нелевые брюки с манжетами; рубашка из отменного хлоп-ка; вязаные жилет и галстук; замшевые ботинки или Chelsea boots; подобранные в тон к обуви ремни; неброские, словно полученные от деда, часы; кашемировое, снова без подкладки пальто; ро-скошный шарф и перчатки из кожи пекари. Со всем этим прекрасно сочетается старый кожаный портфель или до-рожная сумка из разряда тех, что Альфред Данхилл делал для поездов в открытых авто-мобилях.

Среди перечисленного нет ничего «модного», ничего та-кого, что отвлекло бы от ин-теллигентного лица того, кто все это на себя надел. Впро-чем, каждая вещь из набора внутри себя хранит какой-ни-будь секрет, какую-нибудь ди-ковинку, о которой знает толь-ко хозяин и лишь очень близ-кий ему человек — камерди-нер, жена, прачка.

Вот братья Больболи, к при-меру, нашли способ так окра-шивать кашемир, что правая и левая стороны ткани при-обретают совершенно разные и притом контрастные цвета. Коричневый верх — оранже-вая изнанка; болотная прав-ая сторона — зеленая левая; флотский синий снаружи — серый внутри. До сих пор та-кое никому не удавалось — у этих получилось, а потому знаменитые Boglioli Jackets, и до того бывшие обязательной вещью в гардеробе джентль-мена, станут вещью вдвойне обязательной.

Другой пример. Француз-ский шотландец (или шотланд-ский француз) Бенуа Карпен-тер для будущих обладателей своих исключительных вещей придумал шутку: на подкладке пальто, пиджаков, даже на из-нанке рубашек воспроизведе-ны сюжеты порнографичес-ких открыток XIX века. Идет серьезный джентльмен в эле-гантном костюме, и внутри у него такое! Впрочем, Бенуа

Парадный мундир члена Тайного совета Великобритании фото REUTERS

телефона! Утверждается, что карман этот устроен так, что никакие вредные лучи уже никогда не доберутся до вну-ренних органов, в то время как связь с органами внешни-ми ничем не будет нарушена. Просто переносная микровол-новка какая-то!

Ткани и прочая мануфактура

Вообще, все, что связано с материалами, с тканями, с кожей — со всем тем, из чего шьют и тачают, все новшества и удивительные открытия по-части структур и свойств были представлены на Pitti в пол-ном объеме. Иногда даже в че-ресчур полном. Казалось, что на следующие разы открытый и новшество просто не хватит, что мозги изготовителей но-вых тканей просто перестан-т работать.

Эпоха жестких твидов, вре-мя грубой кожи, увлечения пластмассой и прочей хими-

ший Барберы Брунелло Ку-чинелли при своей-то любви к жизни и внешности плей-боя тоже трудоголик и тиран, не выпускающий из рук ни-каких (в прямом смысле!) нитей. И дело даже не только и не столько в них, в Карло или Брунелло, а в их потряса-ющих работниках — во всех этих пьемонтских старушках с поджатыми губами, в умбр-ских веселых бабулях, во всех тех, чьи умения передаются из поколения в поколение.

В то же время новые време-на требуют абсолютно новых (но тоже стопроцентно нату-ральных) тканей. Смешение шерсти викуны с пашминой или гуанако (правительство Перу разрешило стричь диких лам) все с той же пашминой дало драгоценные ткани с на-званиями вимина и гуамина, и многие английские портные с Севил-Роу немедленно пе-реквалифицились с самых тонких тканей из овечьей шерсти на

фантастические (по мягкости, качеству и цене) экзотические смеси. У Ричарда Андерсона я примерил клубный пиджак из гуамина, и мне, представ-те, захотелось иметь такой же. Если бы по возвращении я удачно продал свой автомо-биль, а потом отдался в рабст-во к какому-нибудь настояще-му олигарху, мне, пожалуй, хватило бы денег расплатить-ся с Андерсоном, ведь блейзер стоит около \$25 тыс. Впрочем, цены потрясающему пиджаку добавляют скромные плати-новые пуговицы, но факт оста-ется фактом — пиджаки за 25 тыс. и костюмы за 50 тыс. уже не редкость.

Кстати, о платине. Компа-нии Dormeuil и Scabal ввели новую моду на использование этого металла в производстве полосок на костюмной ткани. Микронной толщины метал-лические нити, вживленные в кашемир, вимину или гуа-мину, повышают стоимость

будущего изделия вдвое. Примерно во столько же (мо-жет, больше) возрастает и само-ощущение обладателя костю-ма. Ну и последний курьез из серии «Богатые тоже платят». Ткачи Scabal придумали внед-рять в нити (в процессе скру-чивания) алмазный порошок. Получающаяся ткань облада-ет, как утверждает, проч-ностью бриллианта и его же ценой. Недавно отрез такого материала был заказан кем-то из ближневосточных правите-лей. По соответствующей це-не. Как говорят портные с Се-вил-Роу, алмазно-платиновые ткани пользуются большим спросом и у московско-ниж-невартовской клиентуры.

Ну, хватит о странностях. Есть совершенно другие при-меры. Похожий на артиста Бе-на Кингсли Шокер Козо, иран-ец, живущий в Швейцарии и владеющий японской компа-нией Kohzo Denim, 30 лет ра-ботал на американцев из Le-

vi's. Научился там кое-чему — теперь делает свои джинсы. Потрясающие, прямо скажем, джинсы. Вот, кажется вам, что штаны Kohzo из хлопка, а на самом деле они шерстя-ные сверху и кашемировые изнутри. Хитрый иранец пер-вым из наших современни-ков научился красить каше-мир в цвет индиго, превра-щать слишком нежный ма-териал в типичный деним. А еще Козо придумал, как де-лать дышащие кожаные или прорезиненные брюки. Он перемалывает кожу в пудру, насыпляет порошок на хлопко-вую основу, а потом снимает лишнее бритвой. Получается почти кожа с присущей хлоп-ку способностью к самовенти-ляции. То же самое с резиной. Натуральный латекс плавит-ся, адская смесь выливается на основу, застывает, потом бритье — и прорезиненная дышащая ткань готова.

Другой фанатик, италян-ец Мауро Карелла (его пол-ное имя Мауро Мария Ориет-ти Карелла), учился на докто-ра, и его специализацией дол-жно было стать восстановление кожи после ожогов. На врача не выучился, зато кожу восстанавливать — лучше мно-гих. Мауро придумал делать инъекции силикона в кожу, уже снятую с животного. Сум-ки (они продаются под маркой Zaglani) Мауро Карелла, пош-тые из кожи аллигатора, реп-тилий или буйвола, столь лег-ки, что кажутся сделанными из ткани, но никак не из кожи. Опять-таки какой-то кашемир!

Цветя

Цветя ткани требуют особых, мягких цветов. Конечно, оста-ются еще приверженцы черно-го, но черный этот почти все-гда чем-нибудь разбавлен. Ри-омбо предлагает носить класси-ческий пиджак от смокинга с черничного цвета рубашкой и вязаным черным галстуком, а Бенуа Карпентер (Marchand Drapier) разбавляет черный ярким синим — хоть меховым воротником (из подвергшего-ся эпилляции меха кролика), хоть шарфом. Целиком черной получилась разве что потря-сающая коллекция The British Suit Ника Харта, придуман-ная им для компании Aquascu-um. Тут как в страшилке про черную-пречерную комнату: ночью ничего не увидишь; за-то остроумные детали и порт-новское умение позволяют Харту играть одним цветом так, как будто в руках у него целая палитра.

У других черный сыскать труднее. Зато розового, синего, серого, зеленого, коричневого, всех теплых оттенков этих цве-тов хоть отбавляй. Тимоти Эве-рест (из лондонцев) предлагает носить синий и полосу клас-сический пиджак с нежно-ро-зовыми брюками (вариант — розовый пиджак с брюками синими); Ballantyne соединяет кашемировые пиджаки цвета матроски, шоколада, поздней травы с яркими в горошину шарфами и вязаными перчат-ками. Brunello Cucinelli прив-лекает своих поклонников всеми оттенками серого; Gieves & Hawkes вводит в свою (казавшуюся неизбежно кон-сервативной) палитру элект-рический желтый и оранже-вый; Cantarelli смешивает цве-та, используя идеи шотланд-ского тартана.

Что дальше?

Дальше — некуда. Италия сдалась Британии (во всяком случае, Флоренция — Лондо-ну), и, похоже, мужская мода на время оставляет мужчи-ну мужчиной. Юбки, штаны с мотней, комбинезоны ко-монавтов — все это остается в прошлом или на милан-ских подиумах.

Да здравствует кашемир, фланель, тонкая шерсть; пусть живут в веках мех и мягкая ко-жа, замша и вымоченный в де-сяти водах лен. Узкие, еще вче-ра казавшиеся бесконечно не-модными лацканы, вязаные галстуки, рубашки с чуть скру-ченными (словно сменными целлюлоидными) воротника-ми, карманы с клапанами, жи-леты — все это должно быть в гардеробе любого мужчины, считающего себя джентльме-ном. И все это было во Флорен-ции, на выставке, организато-ры которой не побоялись скло-ниться в глубоком поклоне пе-ред английской традицией оде-вать мужчину и джентльмена.

Костюм герцога Виндзорского, 1945 г. фото REUTERS

СТИЛЬ

Старый Свет в новом свете

европа выставка

Выставка Maison & Object, которая проходит два раза в год в Париже, — самая «европейская», по стилю и духу, из всех европейских недель дизайна. Временами это вступало в некоторое противоречие с объективными процессами, но на этот раз полностью совпало. Главная тенденция в дизайне сейчас — пересмотр и переработка европейских традиций. Последняя выставка Maison & Object, закончившаяся 30 января, это отлично продемонстрировала, констатирует

Юлия Пешкова.

Традиционность Maison & Object объясняется ее географией. Логика любой выставки предполагает, что подробнее всего на ней представлены местные производители. В Милане больше итальянцев, в Кельне — немцев, в Лондоне — англичан и т. д. В Париже хватает всех, но погоду делают, разумеется, французы. Вряд ли кто-то будет спорить, что в плане отношения к дому эта нация самая традиционная. Это касается и его стиля, и устройства. Дом среднестатистического француза — это бабушкина мебель, плюс вкрапление современных вещей, плюс легкий привкус барахольки, плюс богатое приданое в виде сервизов, столового серебра и скатертей, плюс немножко искусства. Французы не склонны выкидывать вещи, так же, как и отказываться от своих традиций. Они просто не нуждаются ни в чем новом: их интерьерное прошлое настолько богато, что идей и образов хватит на весь мир. Французские декораторы, умеющие на пустом месте (где бы оно ни находилось, хоть в Айове) создать традиционный европейский дом с историей длиной в несколько

ко веков, пользуются в мире большим спросом. Да что декораторы! Взять, к примеру, самого знаменитого французского дизайнера Старка. Кто скажет, что он работает в традиционном стиле? Никто. Но кто будет спорить, что все его пластиковые и прочие ультра-современные объекты — это не что иное, как классические вещи, пережеванные и поданные в виде низкокалорийного блюда? Никто, в том числе и он сам. Вещи без прошлого Старк делал раньше и сейчас

вспоминает об этом без гордости. Впрочем, к сюжету он имеет мало отношения. На выставке его вещей было немного, а самым большим успехом пользовались его пластиковые одноразовые тарелочки и бокалы, использовавшиеся во время презентаций, которые, как ни странно, оказались очень удобными. Французы не забывают своего, но с трудом принимают чужое. Или пропускают через себя. Даже редкие допущенные в язык английские слова они производят на свой манер — что уж говорить о доме. Если это этника, то пришедшая из колоний и давно деликатно вписавшаяся в европейские тра-

диции; если это минимализм в духе американских лофтов, то смягченный и скорее напоминающий творчество европейских модернистов. Никакого слепого копирования и преклонения. Если что-то приходит извне, оно занимает свое скромное место, не слишком влияя на общую картину. Все это теперь касается и нас. Именно такой подход к интерьеру сейчас актуален. По крайней мере, выставка Maison & Object представляет собой типичный французский дом, только увеличенный до гигантских размеров. Точнее, дом с садом: кованой и плетеной мебели было отведено отдельное пространство. Хотя

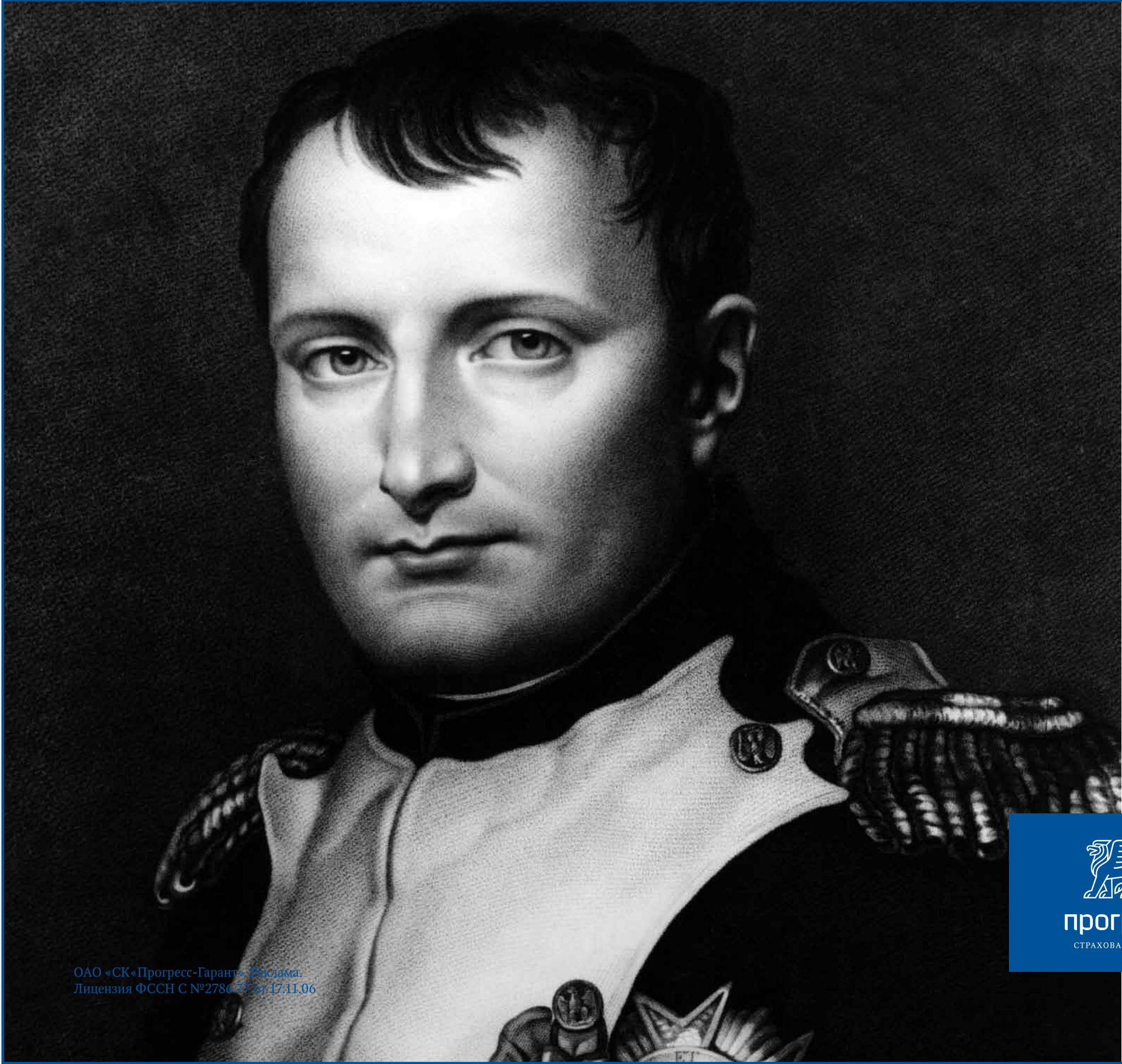
правильнее назвать его европейским, поскольку в нем несколько сумбурно, но органично сплелись традиции разных стран. В нем есть место и бабушкиной мебели (то есть сугубо классической), и современной, но выдержанной в духе традиций, обивочным тканям и текстилю, посуде и всяческой утвари (кухня и столовая в правильном европейском доме — самые важные зоны), ремесленным безделушкам и произведениям искусства, а также гигантскому количеству полезных и веселых аксессуаров. В этом доме чудовищно тесно, вещи стоят друг у друга на голове, зато здесь уютно и уж точно не скучно. Слово «скука» в дизайне под запретом уже несколько лет. Европейский дом, на который ориентируются дизайнеры, — это не сиротливая холостяцкая квартирка, а семейное, можно сказать, гнездо, где живут на широкую ногу, любят устраивать праздники и вообще имеют вкус к жизни во всех ее проявлениях. Такой

дом предполагает насыщенные цвета, богатые ткани, роскошные отделки и изобилие деталей. Разумеется, он не повторяет в точности аристократические дома XVIII–XIX веков, но очень их напоминает. Сложно выделить господствующий стиль. Правильнее будет сказать, что ни одна крошка не упала со стола европейской истории последних веков. Все было почищено, подкращено, обновлено и пущено в дело. Но не в духе Старка, не жестко-иронично, как было модно пару лет назад, а бережно, хотя и с юмором. Поиграв с классикой, как с игрушкой, дизайнеры пришли к выводу, что глупо над ней смеяться, надо ее использовать на полную катушку. В том, что к традициям обратились большие европейские марки, занимающиеся мебелью, текстилем и посудой, нет ничего удивительного. Они всегда их имели в виду, лишь немного сворачивая в разные стороны в соответствии с тенденциями. Забавно то, что не отрицает их

и молодежь — маленькие марочки, которых ничто не сдерживает, и они могут смело рисковать. Они и рискуют, но тоже в русле генеральной линии. Барочное кресло с обивкой в стиле поп-арт, вешалка в виде рогов, сложенных из пазлов, люстра с подвесками, украшенная цветочками — что это как не копание в сундуке истории с целью выудить что-нибудь полезное? Мы же от необходимости в ней копаться избавлены. Все уже найдено и отсортировано, приходи в магазин и бери.

Подробнее о новинках и тенденциях Maison & Object — в ближайших номерах Weekend.

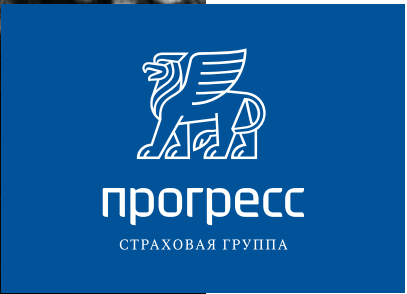

ОАО «СК «Прогресс-Гарант». Выслана.
Лицензия ФССН С №2786 от 17.11.06

Карту острова Святой Елены,

превосходно выполненную натуралистом Бори де Сен-Венсаном во время кругосветной научной экспедиции 1801 года во главе с капитаном Боденом, Наполеон заботливо хранил в течение многих лет. Через четырнадцать лет, перед отправлением из Мальмезона в Рошфор, откуда Наполеона должны были отправить в пожизненную ссылку, он попрощался с домом, где был когда-то счастлив, и в числе немногих вещей взял с собой карту острова, на котором, по иронии судьбы, ему было суждено провести свои последние годы.

друг, который рядом

127473, г. Москва,
ул. Селезневская, д. 40,
строения 1, 3
телефон (495) 747-9000

www.progress.ru

Ermenegildo Zegna

Кутузовский проспект, 31, т. (495) 933 3033
Третьяковский проезд, 1/3, т. (495) 933 3372
Барвиха Luxury Village, 8-й км Рублево-Успенского ш., т. (495) 225 8854
Петровка, 2, ЦУМ, т. (495) 933 3399
www.zegna.com

У НАС СХОЖИЕ ВКУСЫ